

Черенков М.Н.

## О СОРАЗМЕРНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ЭКОНОМИКИ. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ РЕФЛЕКСИИ

Инновационный подход к образованию, о котором настойчиво говорят последние двадцать лет и под симулякр которого проходят до сих пор безуспешные министерские реформы, должен привлечь внимание к более глубокому уровню проблемы, к фундаментальным вопросам личности, ее мировоззрения и воспитания. Как показывают история отечественного образования и суммарный мировой опыт, невозможно качественно изменить технико-технологическую надстройку производства вещей и знаний без согласования ее связей с базисными принципами и ценностями жизни и личности, заданными социальной ситуацией и исторической традицией. Доминирующий тип личности, ее социальный образ и граничные параметры индивидуальных особенностей, ценностный горизонт, смысловые ориентиры общества, определяют возможности производства в не меньшей степени, чем средства производства. Последовательное продумывание этих аксиом вынуждает акцентировать тему целостности личности, в которой профессиональная и ценностно-смысловая стороны будут гармонизированы.

Личностность и профессионализм – разные свойства одной и той же человеческой «единицы». Сегодня утверждение о том, что знание формирует личность и производство знаний решает все жизненные вопросы (не только социально-экономические, но и духовно-культурные), можно назвать наивным. Наивность модернистского проекта состояла в системной редукции индивидуального к общественному, общественного к экономическому, духовного к рациональному, научного к техническому. Но как оказалось, гений может быть злодеем, «правильная» утопия будет стоить миллионных жертв, а «невидимая рука» рынка помогает всегда богатому и никогда бедному.

В процессе социально-исторического развития европейской цивилизации профессиональный, технико-технологический образ жизни и мышления отделил себя от целостно-человеческого образа. «Иметь или быть» - два разных, не совпадающих и всегда противостоящих способа соотношения человека с миром. Эта простая типология, предложенная в свое время Эрихом Фроммом, оказалась пророческой по отношению к современной потребительской цивилизации, в которой производство стало неуправляемым и несоразмерным человеку, потеряло его (человека) как цель.

Учить профессионализму (учить «иметь») без того, чтобы учить «быть» человеком, означает разделять естественную, природную, врожденную целостность, противопоставлять человека его природе. Обособленность человека от своей же природы прогрессирует от *habilis* до *sapiens*, центр его познающей и преобразующей активности смещается от *natura naturans* к *natura naturata*, а затем и к природе искусственной. В последней человек может увидеть результаты

своего труда, но не сможет найти своих истоков. Конечно, по результатам деятельности о человеке можно многое узнать, но это будет лишь след, остаток. Пугающим автобиографическим свидетельством человеческой деятельности стала уничтоженная и загрязненная природная и культурная среда, ее небоскребы, заводы и супермаркеты.

Производство, ставшее самоцелью, оказалось опасным не только для природы, но и для самого человека, т.к. деформировало его структуру жизни и систему ценностей. Ценности стали потребностями, а потребности – производными от манипулятивных технологий общества как самоценной и самовоспроизводящейся системы. Производство стало всем, человек – ничем. Логика производства вплетает в себя человека и его внутренний мир, подчиняет математическим закономерностям, оцифровывает. Представители власти («производственники») о человеке сказать не могут ничего, только о его «биологической норме». «Биологическая норма», то, что нужно для воспроизводства физиологической способности к труду, и техническая подготовка к выполнению производственных заданий, осуществляемая в «образовательных учреждениях», составляют вместе «одномерного человека». Странно, но и спустя десятилетия среди преподавателей и студентов мало кто прочитал уже доступные тексты Ортеги-и-Гассета, Маркузе, Фромма, Хайека, Арендт и др., а потому образовательная машинерия работает без резонных возражений и даже слабой внутренней критики.

Инструментализм мышления грешит против целостности духовного и материального, внутреннего и внешнего, индивидуального и социального, культурного и технического. Единство «добра, истины и красоты», идеал античной калокагатии, преданы забвению как недостижимые и архаичные.

Примечательно, что современная мысль возвращается туда же – к идеалу единства и целостности. Новые научные и образовательные парадигмы включают в себя этику и эстетику как обязательные компоненты цельного знания. Истина уже не мыслится объективной в смысле отрешенности от субъекта, она высвечивается им и сопричастна ему. Рассогласованность знания и действия, науки и жизни, разума и веры преодолевается.

Логика производства и инструментализм мышления – уже не последнее слово науки и техники, уже не знак научно-технического прогресса, а признак отставания. К сожалению, постсоветская образовательная система застряла на излете модерна, когда его изъяны стали наиболее выразительными и наиболее вредными.

Логика производства стимулирует потребление как средство для себя, а не для человека. Закон меры, известный со времен античности, здесь больше не работает, и пренебрежение им вызывает все новые финансово-экономические кризисы. Интересы хозяйствующих субъектов развязывают безудержное потребление человека, формируют из человека мыслящего человека потребляющего. Отсюда и упадок престижности «неприбыльных» профессий, диспропорции в структуре образования и экономики.

В истории можно увидеть череду антропологических поворотов, возвра-

щений человека к себе. Без этих периодических возвращений человека к себе, обращений вокруг своей духовной оси, история давно бы потеряла человеко-размерный смысл и стала историей вещей. Очевидно, что без нового осмысления человека в его целостности, без построения человеко-размерной экономической теории любые попытки реформирования образования как производства знаний и экономики как производства вещей будут паллиативными.

*Ястребцева А.В.*

## **ЭТИКА ГЛОБАЛИЗАЦИИ: О ТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

Вопрос, который мне хотелось бы поднять в данной статье, - это вопрос об этическом своеобразии современной эпохи, которую принято обозначать несколько «мутным» термином «глобализация». Другой термин, который нередко соседствует в многочисленных публикациях, посвященных разным аспектам глобализации, - космополитизм, делает вопрошание о моральной стороне глобализации более очевидным и необходимым. Отсылка к стоическому идеалу человека-космополита позволяет увидеть в нем некий прототип современного агента глобальных процессов, который, с одной стороны, является участником некоего общемирового процесса политического строительства универсального «вечного мира», а с другой стороны, оказывается совсем не чужд моральных устремлений и этических идеалов, понимая, что мораль и политика – вещи вовсе не несовместные (в противоположность спорному утверждению Н. Макиавелли). И, пожалуй, ключевой этической категорией, вокруг которой может и должна быть построена современная космополитическая этика – это понятие «толерантность» (или терпимость).

Как отмечает один из интереснейших современных американских мыслителей Майкл Уолцер в предисловии к своему трактату «О терпимости» [On Toleration. Yale University Press, 1997], последняя «есть само условие жизни, поскольку то, что ей противоположно, часто ведет к смерти; она также есть условие коллективной жизни сообществ, в которых мы живем. Терпимость делает возможным существование различий; различия же делают необходимой терпимость». Автор подчеркивает, что отношение между тем, кто проявляет терпимость, и тем, по отношению к чему или к кому эта терпимость проявляется, в определенном смысле аналогично отношению между господствующим и подчиняющимся. Граждане единого демократического государства должны быть воспитаны в духе демократии, более того, - господину и рабу полезно одно и то же, как отмечал еще Аристотель в своей «Политике»<sup>2</sup>.

---

<sup>2</sup> *Аристотель*. Политика. Собр. соч. в 4 тт., т. 4. М., 1984, с. 377. Античный ритор Исократ в полемике с Платоновской академией также отмечал, что пайдейя должна строиться на воспитании человеческой личности и формировании умения «произносить полезные и достойные государства речи», тогда как Платон, в свою очередь, исходил из другого понимания задач образования – подготовки политических экспертов и воспитании царя-философа.